

Л. Гуревич. Отцы. // МИТЬКИ: Ретроспективная выставка к 10-летию движения. СПб.1994. (Государственный Русский музей).

Митькам повезло: им на долю не выпала безродность и безотцовщина. И они почтительные дети своих суровых «отцов». Да, те, кого они так зовут, не особо пекутся о них, но кто потребует от титанов еще и чадолюбия? Ведь посудите, какие имена: А. Арефьев, Р.Васми, В.Шагин, Ш.Шварц, В.Громов.

Казалось бы, что общего между этими крутыми, непримиримыми романтиками, которые, по словам их поэта Р.Мандельштама, живут, «вгрызаясь в камень» и добродушными, покладистыми, расслабленными митьками? Что между ними общего, кроме непосредственного происхождения Дм.Шагина от Вл.Шагина и последующего воспитания будущего митька чуть ли не всей компанией? И Дмитрий Шагин, тут нужно отдать ему должное, в 1980-е годы выполнил роль культуртрегера, не позволил забыть новому поколению, да и всему ленинградскому неофициальному искусству, откуда оно родом. Да, все так, психологический тип этой поросли совсем другой, но ведь и сговорчивые как будто, не претендующие на героизм митьки еще задолго до начала своей знаменитой суперигры нашли друг друга, и объединило их занятие живописью в традиционном понимании этого слова, родом искусства вроде бы уже не существующим. И они продолжают ею заниматься, хотя дело это совершенно завальное, ничего не стоящее на рынке искусства, не привлекающее искусствоведов, потому что не новое, и одновременно слишком элитарное, чтобы нравиться случайным покупателям. И они всегда будут этим заниматься, а если кто-то перестанет, то уже не будет митьком, во что бы он ни одевался и каким бы сленгом ни пользовался.

Хотя обращение к старым художественным направлениям входит в обиход постмодернизма, но только если с некоторой иронией и отстранением; митек же, уж чем-чем, а живописью занимается совершенно искренне, ни над собой, ни над ней не подсмеиваясь, и даже не ностальгически, а просто потому, что традиционная живопись представляется ему

единственно достойным занятием в изобразительном искусстве. И при этом своем консерватизме, он не сетует на то, что авангард что-то там разрушил, и не требует инакомыслящих поставить к стенке.

От своих «отцов» митьки усвоили, что не нужно бояться быть отсталыми, быть банальными. Ведь искусство—это не скорый поезд, на который если опоздаешь, то уже не попадешь в светлое будущее. Все, что нужно для искусства — здесь, под рукой. «Отцам» ведь ничего не было дано, кроме прописанной государством идеологии, скудного сталинского быта, блатного мира в качестве единственно доступной экзотики и школьного объема знаний об античности. Они появились в самой дремучей глуши, в самой сердцевине советской эпохи, на равном расстоянии от 1917-го года и от того времени, когда кто-то уже мог ускользнуть из страны живым. Они были порождением именно этой реальности, и, я бы сказала, самым мощным взлетом именно советской живописи, при всем радикальном неприятии совдепа. Учась в СХШ, они были хорошими учениками, слишком хорошими для «государства троечников». Наталкиваясь порой лишь на тоненькие струйки кое-где затаившейся культуры, они выросли на голодном эстетическом пайке и хорошо усвоили положения прописной эстетики. Они усвоили положение о единстве формы и содержания и как будто вняли призыву соц. реализма «правдиво и исторически конкретно изобразить действительность», присоединив свое переживание этой реальности—все взорвавшую прибавку. Эта направленность их сознания и чувства на близлежащее окружение была столь необычайно интенсивной, что пластическое преобразование объекта осуществлялось как бы само собой, без специальной сосредоточенности на форме. В результате появилось искусство столь пластически мощное, что самая маленькая работа прорывает пространство громадного зала—думаю, что рядом с ней работа какого-нибудь конструктивиста на таком же расстоянии будет

смотреться куском обоев. И это не вопль, а могучая музыка, это боль, превращенная в красоту.

Красоту они извлекли, превратив в художественно-значимые объекты реалии той единственной среды, которая была им дана, и дана в таком диком, растерзанном, эстетически не освоенном виде, восприятие которой не было для них обусловлено какой-то культурной традицией. Вот их город—он совершенно не похож на тот, что мы видим, скажем, на гравюре ХУШ-ХГХ веков или на нарядный, насыщенный литературными и историческими реминисценциями город мирискусников. Их город пережит непосредственно и преломляется сквозь темперамент художника. Яростный, ощущаемый через социум город неистового Арефьева; очищенный трагический град величавого Васми; уютный, пронизанный лаской рай столь благоволящего к идущему по улице человеку В.Шагина. Город, как панорама, как фрагмент круглящейся планеты, увиденной сверху лучезарным взглядом В.Громова, и город, как вечно возбуждающая, вечно нервирующая среда для Ш.Шварца... Такие они разные, но лирическая отзывчивость в той или иной модификации присутствует у каждого из них.

Митьки сохраняют верность городскому пейзажу— он почти обязателен у каждого из них. Чего не скажешь о лирической отзывчивости... Но кто тут потребует, кто упрекнет—в наше-то время? А вот если в нашем городе сохранится это уже редкое, элитарное искусство— ЖИВОПИСЬ—тут уж заслуга митьков будет неоспорима.